Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВѦЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 25. Львовъ, 15 Червнѧ 1856. РОКЪ IX.

Приглашенїе къ предплатѣ.

Съ числомъ 26 окончиваетсѧ первое полрочїе издаванїѧ Зори Галицкой. Оупрашаемъ про тое всѣхъ достопоч. читателей нашихъ о скорое надосланїе намъ предплаты и на второе полрочїе; многїи не предплатили ничъ доселѣ, где которыи лишь за одно чвертьрочїе: да благоволѧтъ вселаскаво все надослати, понеже поскꙋдныи средства нашїи не въ силѣ остоѧтисѧ при такомъ оскорбленїю.

Приглашаемъ также всеч. соотечественниковъ нашихъ къ предплатѣ на Церковнꙋю Газетꙋ издаваемꙋ въ Бꙋдинѣ обществомъ св. Стефана подъ отвѣтственною Редакцїею госп. Іоанна Раковского, Епархїи Мꙋкачевской свѧщенника, а содержающꙋ въ собѣ много полезного относительно чина свѧщенническо. Предплата на второе полгодїе отъ 1 (13) Юлїѧ состоитъ изъ 1 р. ср. и 30 кр. ср.; предплатившїи же 2 зр. и 30 кр. ср. могꙋтъ даже и отъ первого числа полꙋчити. Предплатꙋ засылати можь подъ адрессомъ: An das Stephans-Vereins Expeditions-Bureau in Pest, Zuckergasse Nro. 6.

Надѣемъ сѧ, що достоп. соотечественники нашїи не дадꙋтъ попасти сѧ намъ въ физическое безсилїе, а съ тѣмъ и въ оумственное, но благоволѧтъ вселаскавымъ соꙋчастїемъ своимъ скрѣплѧти органы народной жизни нашой!!!

Редакція

КОГУТЪ И КАПЛꙊНЪ.

Толстый каплунъ ходилъ надутъ,
По обойстю при хатѣ,
А къ нему приступилъ когутъ,
Съ нимъ курочки чубаты.
Каплунъ залопотѣлъ крыльми
Мовлячи когутови:
„А цуръ водитись такъ съ курьми!"
„Молчи, шкода примовы!
Се гадка твоя предивна;
„Я когутомъ по родѣ
„А ты отъ свелся въ каплуна,
„Нѣтъ каплуновъ въ природѣ!...

Лисъ, Песъ, Волкъ и Оселъ.

Лисъ съ псомъ зайшли разъ въ бесѣду съ собою,
Котрый съ котрого досталъ приличность свою.
Смотрѣли на хребетъ, пыски и зубы,
Хвосты сровнали, головы и клубы,
А якъ прійшло и ажь до задныхъ ногъ
Ніяко лисъ сгодитися не могъ,
Дабы въ попередъ сотворено псы,
А зъ нихъ потомъ произвелись лисы.
Откликивалсь на доказъ прастарый,
Що песъ ничо якъ лисъ та домовый...
Песъ правилъ свою рѣчь, лисъ не умолкъ.
Въ самъ добрый часъ надходитъ къ нимъ и волкъ:
А свѣдавшись о всю принуку сварки
Станулъ средѣ розлюченной парки.
„Вы мудраки зайшли собѣ въ несгоду?
„Оба произойшлисте зъ мого роду!
„Смотрѣтъ, признаки ваши всѣ на менѣ:
„Се рѣчь доказана вже не отъ нынѣ.”
Но песъ знаючи також свою рѣчь,
Скрутился, нужь зубами волка сѣчь.
„Якъ то? — и ктожь о томъ ще не свѣдомъ,
„Що волкъ все былъ и есть лишь дикимъ псомъ?
Нежартовалъ и добре волка стисъ;
Допомагалъ при томъ охочо лисъ.
И такъ зажерлися страшно всѣ три.
Оселъ подавши слухи на вѣтры,
Зачувши сваръ бѣжитъ ко нимъ що силы
Прибачати про що бысь такъ сварили?
„А громъ бы васъ побилъ, тожь вы дурны!
Пойдѣтъ къ водѣ, смотрѣте въ глубинѣ,
Глядѣтъ всѣ три, каждый по своемъ виду,
Да недѣлайте вотъ таку огиду!.. —
Дивно всѣмъ тремъ по мудрой той дорадѣ,
Идутъ къ водѣ, смотрятъ по своемъ складѣ:
И вотъ! не вчался прежній сваръ потомъ:
Тутъ волкомъ волкъ, а лисомъ лисъ, а песъ былъ
псомъ!...

Е. Згарскій.

Другая выпись изъ записокъ второго Путешествія зъ Рима въ Ерусалимъ священника гр кае. церкви Иполита Терлецкого. *

Ночь въ Божомъ гробѣ.

Оуже то моимъ читателѧмъ и скучно, що се ось такъ долго водилъ ꙗ ихъ по Єрусалимѣ, та доселѣ не сказалъ имъ еще ничо о церкви Божого Гроба. Но по волѣ оставилъ ꙗ опись свѧтого храма сего на сію ночь, котору въ немъ перебылъ ємь. —

Оуже то не ма що протое и казати, ꙗкъ великимъ желанїемъ стремиласѧ душа моѧ отъ годины вступленїѧ въ Єрусалимъ, перебыти нѣсколько ночей въ семъ свѧтомъ храмѣ. Бо котрыйже христїанинъ не желалъ бы такъ великого счастьѧ? Но думка моѧ была насамперед прилагодити все на тое, щобъ можна было менѣ на самомъ гробѣ Спасителѧ служити св. литургїею. До сего бо времени подъ позоромъ ꙗкъ менѣ кажетсѧ паче выдуманымъ нежь истиннымъ, страха борьбы отъ грековъ, исповѣданїѧ кадолического, самъ лишь обрѧдъ латинскій имѣлъ приступъ до жертвенниковъ, где розличныи исповѣданїѧ маютъ право свѧщенныи богослуженїѧ совершати. Такой есть сей пречестный престолъ пресвѧтого гроба Спасителѧ мїра, тай во Ведлеемѣ вертепъ, где единородный сынъ Божїй вочеловѣчивый сѧ сподобилъ народитисѧ зъ пресвѧтой Богородицы. За первого путешествїѧ моего былъ ємь лишь той искренной длѧ души свѧщенника потѣхи!.. — Дабы тѣмъ певнѣйше осѧгнути намѣренїе мое, оуложилъ ємь съ консулемъ французскимъ г. де Бареръ, прежнимъ знакомымъ и другомъ моимъ, въ дружинѣ съ нимъ перебыти сію ночь въ храмѣ гроба Божого, та въ его присутствїю совершити св. литургїю. Печатникъ (канцлеръ) патрїархата латинского (самого бо патрїарха не было на се времѧ въ Єрусалимѣ) пообѣтовалъ також, сли бъ монахи ꙗкїи ще перепоны дѣлали, дати патрїаршое повелѣнїе не запрещати менѣ тамъ служити. —

Вечеромъ 8/20 октобра пойшолъ ємь на

* Достоп. путешественникъ нашъ пообѣтовалъ намъ надсылати больше описей путешествій своихъ, которыи всѣ охочо помѣщати будемъ.

обѣдъ до конеула французского. Засталъ емь тамъ г. де Форбенъ Жансонъ присланного тутка правительствомъ французскимъ по дѣламъ духовнымъ. Вратарь храма Божого былъ предувѣщенный, ждати та отчинити намъ двери храма. Такїй бо мусулмане завели тутъ обычай, що вратари церкви Божого гроба суть мусулмане поставленны правительствомъ, та за каждое отчиненїе христїане принуждаются оплату давати. На се прїйшлося, що христїанинъ платитъ дань Магометови за годину молитвы, за сердечны слезы проливанны на гробѣ Спасителя свѣта. Входащему во храмъ, сердце забѣгаетъ кровїю, когда гланетъ на вратарей мусулмановъ сидащихъ при дверахъ во внутрїю церкви, и куращихъ собѣ люльки и попивающихъ каву. — По деватой годинѣ вечеромъ, за предшествующимъ съ лихтарнами кавасомъ, пойшлисьмы г. Конеуль, г. де Форбенъ Жансонъ и я до храма сватого.

Всѣмъ се свѣдомо, що храмъ Божого гроба, найсватѣйшїй и найчестнѣйшїй со всѣхъ церквей Божихъ, созданъ есть на семъ же мѣстцѣ, где Христосъ Господь пострадалъ за весь родъ человѣческїй презрѣтельну смерть крестную, на горку нареченномъ лобное мѣстце, тай на прилежащой ровнѣ, где прев. его тѣло было похороненное. Горбокъ сей былъ въ старинѣ, якъ се вже сказалисьмы, внѣ города, не далеко та лишь широкимъ мѣстцемъ отдѣленный отъ стѣнъ его. На немъ наказывали смертною казнїю преступниковъ. Осталое горбка покрывали сады. Одинъ изъ сихъ былъ Їосифа зъ Аримафеи тайного ученика Їисуса Христа, который тамъ и выковалъ для себе гробъ въ скалѣ, где сложилъ тѣло Спасителя. Жиды бо въ старинѣ не мали кладвищь, но где кто хотѣлъ, выкопалъ бывало собѣ печеру, та въ ней клалъ тѣло и привалялъ каменемъ.

Не ма що про тое и казати, бо ктожь бы о томъ сомнѣвался, якъ мѣстце се отъ апостолскихъ временъ та такой заразъ по смерти Їисуса Христа было въ чести и почтенїю у перныхъ Христїанъ. Тутъ прибѣгали они розпаматывати и розбирати въ собѣ непостижимую тайну милосердїя Божого, тутъ проливали слезы ревного покаянїя, тутъ приносили искреннїи свои моленїя. И хотя послѣ короткого времени цари римскїи истребили со всемъ Ерусалимъ, то память сихъ сватыхъ мѣстцъ и честь для нихъ, сохранилася живуща межь вернувшими ся съ концемъ войны христїанами. Тому то по свѣдительству достойныхъ древнихъ писателей, языченики гоненїя ради христїанъ, обвели окрестъ сїи мѣстца каменною стѣною, та самый гробъ Спасителя осквернили, вознесши на немъ кумиръ своего Божища Юпитера, лобнуюже гору, поставленїемъ тамъ изображенїя Венеры. —

Но доспѣвшему времени милосердїя, когда царь Константинъ принялъ христїанскую вѣру, его повелѣнїемъ и грошами, въ присутствїю св. царицы Елены матери его, создали тутъ великолѣпный, величественный и прекрасный храмъ занимающїй въ собѣ гробъ Спасителя и весь лобный горбъ. Тремъ столѣтїямъ переминувшимъ отъ созданїя храма сватого, Козроесъ II царь перскїй заграбилъ Ерусалимъ, злупилъ и опустошилъ св. сей храмъ. Но скоро послѣ царь римскїй Ераклїй, побѣдивши Персовъ, отнялъ у нихъ городъ и св. дерево честного креста, та отновилъ храмъ Божого гроба. Занятїе Ерусалима Омаромъ въ скорѣ приключившееся, не нанесло нїякого повреждевїя церквѣ Божого

гроба. Мѹсѹльманскій сей царь оставилъ христїанамъ свободѹ ихъ исповѣданїя. Около 1009 р. Гакимъ владичествѹющїй Египтомъ, опѹстошилъ сей храмъ. Подъ конецъ сего однадцатого вѣка, крестоносцы овладѣвши Палестиною, черезъ 88 лѣтъ держали въ своей власти и храмъ Божого гроба. Когдаже мѹсѹльмане вторицею заграбили Ерѹсалимъ, вылибы не осталася може и храмъ сей св. сликъ Сирїане небыли выкѹпили его цѣною великою золота. Отъ сей поры осталася оуже онъ въ рѹкахъ христїанскихъ. Несчастны лишь роздоры христїанской церкви, подали способность перемѣняющимися властителямъ мѹсѹльманскимъ, мовь на торгъ выставляти св. сей храмъ, продаючи его больше приносящемѹ исповѣданїю, а где не когда и двомъ зъ нихъ въ кѹпѣ, то сновь за велики заплаты признавая одномѹ зъ нихъ надъ дрѹгѣ больше преимѹщества во внѹтрїю его. На послѣдъ въ началѣ текѹщого вѣка, несчастнымъ приключенїемъ, занялся св. храмъ и великая часть его сгорѣла. Въ сїе же время западны стороны Европы, послѣ оужасныхъ внѹтреннихъ возмѹщенїй и матежи, страшны вели брани, та по великой части остигли во вѣрѣ, про тое не могли кагацько поспѣшествовати обновленїю дѹже поврежденного храма. Застойнѣйшее исповѣданїе греческое пособїемъ пришедшимъ емѹ зъ Россїи, возставило св. храмъ, чѣмъ и полѹчило для себе больше преимѹщества. — п. с.

Ѹтро и День.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе).

— Отъ встала вже дѣдичка, и закликавши на лакея, казала заѣзжати. — Дармо просилъ Ѳома дѣдичкѹ и ей сестрѹ, цѣлѹючи ихъ по рѹкахъ, дабы остали, дармо доставлялъ Їоаннъ всѣ свои концепта, прїобрѣтенны во Вѣдни, щобъ хотяй Ванда лишилась на вечерню забавѹ, — — на конецъ согласилась Ванда на прошенїе Їоанна;... таже она благопрїятствовала емѹ, прежде, нежели онъ въ Вѣдень былъ отправился, а теперь минѹли оуже четыре лѣта отъ времени, якъ Ванда Їоанна послѣдный разъ видѣла, зачѣмъ хорошїй молодецъ въ полной мѹжеской силѣ розвинѹлся. Филипъ же не давался долго просити, но просто съ моста сказалъ: „О го! я останѹсь тѹтъ!" погладаючи съ вытертою смѣлостью въ голѹбыи очи Анны. — И такъ отправилась надменна дѣдичка сама домовъ, Ванда же поспѣшила съ Їоанномъ до цвѣтника, до садѹ, во въ свѣтлицѣ былъ оудѹшливый воздѹхъ.

Счастливый Їоаннъ плывалъ по морѣ радости! Щожь-бо то за сладость онѹю вывѣтреннѹю Вандѹ, на которѹ онъ прежде только несмѣливо гладѣлъ, теперь такъ, снисходительною оузрѣти! И во истинѹ! тая Ванда що въ свѣтлицѣ такъ пышно сидѣла съ сестрою на канапѣ, щебетала въ цвѣтникѹ довѣренною нѣжностїю съ оудивленнымъ Їоанномъ, такъ якъ иногда Ганѹся съ своимъ Стефанкомъ.

Такожь и Анна съ своими подрѹжками и Стефаномъ высѹнѹлися до огородка, дабы ино освободитися отъ оупрямого Филипа. Но гдежь тамъ! Якъ тѣнь своего предмета держится, такъ волочился Филипъ за бѣлявою дѣвчинкою неотстѹпно, пока ѣдкїи отрѣзки веселой Марины, и ироническїи жарты ревного Стефана не принѹждили несчастного любовного героя къ бѣгствѹ. Не знаючи, що имѣетъ по такъ неѹдачномъ предпрїятїю дѣлати, волочился

Филипъ съ засꙋмованымъ лицемъ по берегꙋ Днѣстра, а потомъ сѣлъ на челно и началъ по спокойныхъ стрꙋѧхъ возитисѧ . . .

По отшествїю пакостного приверженника отдыхало свободнѣйше наше малое дрꙋжеское собранїе, и прохождалось горою до сосѣдного лѣса.

Таинственна тишина объѧла тꙋтъ своихъ гостей, а ароматное благоꙋханїе исполнило грꙋдь ихъ неизреченною солодостїю. — Пѣснь вечернѧ маленькихъ лѣсовыхъ пѣвцей оуконччалась; встрепенꙋла крылцемъ нѣжна птичка, сохоронила томнꙋ головкꙋ подъ маленькое перье и оуснꙋла . . . Послѣдныи лꙋчи солнечны блꙋдили очаровательными радꙋжными барками междꙋ тѣнистыми вѣтвами, и дрꙋжились съ тѣнью прохладною, наконецъ задрожали конаюшимъ видѣнїемъ и погрꙋзились въ лоно своей подрꙋгы-тѣни.

Звѣздка ꙗснаѧ занѧла престолъ свой ꙗскравый на небѣ, и послала нѣжненького вечернього вѣтерка, щобъ онъ ей сꙋпрꙋга отъ сна пробꙋдилъ. Возсталъ вечерь изъ облачного ложа, и осѣнилъ землю своими легкими прозрачными крылами. Ꙗ соловѣй вылетѣлъ изъ своего дневного хранилища оусѣлъ на тѣнистой калинѣ, и началъ такъ миленьки звꙋки въ тихїи воздꙋшнїи волны проливати, що Стефанъ въ возхищенїю флетъ свой изъ кишени вынѧлъ, и чꙋвствительнꙋ дꙋмкꙋ загралъ. Ꙗ Ганꙋсѣ воздвиженна дꙋша росплывалась при томъ плѣнѧющемъ зрѣлищꙋ дѣтскимъ оудовольствїемъ, и стала красна дѣвчина, коли Стефанъ пересталъ грати, онꙋю чꙋвствительнꙋ пѣснь возспѣвати: „Ты дѣвчино изъ Подолѧ" — — а ей голосъ, прекрасный-природный сопранъ, такъ чꙋдесно по цѣломъ лѣскꙋ гомонилъ, що кажда, даже и безчꙋвственна грꙋдь всколебалась бы нѣжнѣйшимъ волненїемъ! Но когда Стефанъ ей пѣснь своимъ флетомъ сопровождалъ, то вже и въ свѣтлицѣ, въ которой доселѣ новое зрѣлище совершалось, никто не былъ въ состоѧнїю высидѣти, но всѣ текли, роемъ на мѣсто, откꙋдꙋ тїи гармоничечски звꙋки происходили.

И щожь то дѣѧлось въ отсꙋтствїю Ꙗнны въ свѣтлицѣ? — Вотъ старыи панны-коморничанки вертѣлисѧ на лавцѣ вже отъ часа, неꙋстанно выглѧдаючи за мꙋзыкантами. Но надармо! Вже приглашалъ старый коморникъ панночокъ и женщинъ до игры: „пташка," но Олимпїѧ такъ сморщила чело, що даже ей славныи чорныи брови протѧглисѧ, ꙗкъ гадъ притоптанный ногою, а Тетꙋнѧ замѣтила весьма розсꙋдительно, „що тою игрою только въ городѣ забавлѧютсѧ;" и въ истинѣ розсꙋдительно, бо онаѧ женщина стариного вида похитала ревно головою, въ знакъ, що тогожь мнѣнїѧ съ Теткою есть. „Мы хочемъ танцовати!" озвалась острꙋмнаѧ Зефира.

— „Ꙗ ꙗкимъ же чиномъ танцовати?" вопросилъ отецъ, „вотъ ꙗ самъ плѧсалъ бымъ; но ꙗкъ? хиба схочешь при сопѣлцѣ нашего Фрицка крꙋтитисѧ?"

— „Ей Мацю!" запищала коморничка до мꙋжа: „Ꙗкогожь ты тꙋпого и забывчивого оума есь! Запомнꙋлъ-ли ты вже, ꙗкъ мы иногда оу Отца Ванды забавлѧлись: Ꙗ пѣла Мазꙋрка, а вы плѧсали бꙋдьто при ꙗкой оркестрѣ. О! ꙗ знаю розличныи мазꙋрки пѣти, подобно ꙗкъ моѧ мати!" —

„Мамꙋню! Мазꙋрка!" закончила Олимпїѧ и Зефира.

И осадившисѧ выгоднѣйше на канапѣ, зачала стара коморничка впередъ щось подъ

носомъ припѣвати, но потомъ ꙗкъ розпȣстила оуста, то ажь Тетȣнѧ оутекла до комнаты, где мȣжескій розговоръ шȣмѣлъ. — Старый коморникъ скакалъ въ малой клѣти, ꙗкъ старый инвалидъ по трȣдныхъ походахъ, но плѧсалъ! — а за нимъ пȣстилась Олимпіѧ съ актȣаромъ, и оудивительно было, ꙗкъ тіи золотыи перстени и бранселеты молодого актȣара магнетическою силою до себе притѧгали. Но не долго наслаждались тѣмъ мазȣркомъ, бо скоро ино озвалсѧ въ лѣсȣ флетъ и плѣнѧючій голосъ Анны, то выбѣгла въ сей часъ Тетка на надворье, а за Теткою Филипъ, которомȣ чело вже наскȣчилосѧ, дальше коморникъ, ба и коморничка и ей дочки высȣнȣлись изъ свѣтлицы, не такъ длѧ того, щобы пѣсни внимали, но щобы могли игры и пѣніе критиковати. — Да бȣдетъ! Можетъ быти, що Олимпіѧ, оумѣючи троха на фортепѧнѣ трымкати, и занюхавши когда-то францȣзщинȣ, возможетъ свои чорныи брови и до критики вытѧгнȣти! —

Теперь прилȣчилась къ Гандсѣ снисходительно даже и Ванда, имѣюча красный алтовый голосъ и стала впередъ свою пѣснь величанія ради о Амореткахъ о Венерѣ.. . возспѣвати, но понеже тое Тетȣнѧ не розȣмѣла, отже и всѣ прочіи не могли тȣю дивнȣ смѣсь розȣмѣти; про тое никто изъ женщинъ не похвалилъ ей салоновое пѣніе. — Но ꙗкъ озвалась Ванда съ оною чȣвствительною дȣмкою: „Гей! вы орлы, степа дѣти!" — ꙗкъ и Гандсѧ своимъ проницательнымъ голосомъ, и Іоаннъ своимъ бассомъ съ Вандою совокȣпились, о! то вже и прозаическій смыслъ коморнички истощалсѧ въ похвалѣ гожихъ пѣвцей! —

Гетъ! по лѣсахъ, по скалахъ и по ꙗрȣгахъ отражаласъ таѧ хороша флетомъ Стефана сопровождаема пѣснь, а Гандси звȣчный голосъ пробȣдилъ всѣ соловѣи, которыи свои щебетанья съ задȣмчивыми напѣвами мѣшали.
На всеобщее желаніе повторили юныи пѣвцы онȣю трогательнȣ дȣмкȣ:

Гей вы орлы! степи дѣти —
Съ днѣпровыхъ пороговъ!
Прилетѣтъ, щобы узрѣти
Край моихъ вороговъ;
  Прилетѣтъ изъ Украины,
  Отчины такъ милой,
  Где въ объятіяхъ родины
  Снитъ свѣтъ жизни цѣлой!

Орлы степи, вѣтровъ други
Якже вы счастливы, —
Бо вы зрите родны луги,
Села молчаливы;
  И стогнете въ мглистой днинѣ,
  Коли воронъ крачетъ . . .
  При могилѣ, при Чагринѣ,
  Где вѣтръ плачетъ . . . . плачетъ.

Вы счастливы, но я бѣдна
Плачу межь врагами,
Якъ зазуля та последна
Летитъ надъ снѣгами;
  Вѣчны слезы проливаю —
  Чей огрѣю груди,
  Не огрѣю, лишь сконаю,
  И пройдутъ всѣ труды !.....

Ой сконаю бѣдна бранка
Гдесь при чужемъ морѣ —
Крестъ не будетъ у курганка
Въ томъ невѣрномъ борѣ.. ..
  Но возмѣтъ тогда съ собою
  Кости тѣ несчастны
  И летѣтъ съ ними горою
  Въ наши степи красны.

Тамъ пріиметъ васъ мой миленькій
На могилѣ дѣдовъ,
Где миръ вѣчный, солоденькій
Спитъ безъ мертвыхъ слѣдовъ;

Тамъ въ могилѣ при родинѣ
Онъ положитъ милу.
И выплачетъ при калинѣ
Сердца болѣзнь цѣлу. (П. с.)

Изсȣшеніе и свиванье листа.

(конецъ).

Когда листа двѣ годинъ на солнцѣ постоятъ, кладȣтся на полъ годины въ тѣніе, дабы охолоднѣли; потомъ мнȣтъ ихъ роботники рȣками, кидаютъ въ кошели и продолжаютъ таковое черезъ десять минȣтъ, послѣ того розпростираютъ на верболовыи плетницы и повтаряютъ четыре или пять разы тоежь самое дѣло, по чемъ листа дȣже вялыми стаютcя. Оумнȣвши такимъ дѣломъ, мечȣтъ роботники такъ за два фȣнты листа до розжаренныхъ оупомянȣтыхъ котловъ и мѣшаютъ ихъ рȣками такъ долго, якъ долго жаръ стерпѣти могȣтъ. Кромъ жара такожде и отъ изтекающого изъ листа плына терпитъ роботникъ, онже грызетъ рȣки, а хотяй ротъ шматиною обвязȣетъ, то такой принȣжденъ есть дȣсительнȣ парȣ изъ розжаренного котла вдыхивати. По четырохъ минȣтахъ берȣтъ зъ котловъ и кидаютъ въ кошель по четыре жмень до каждого, и гойданьемъ охоложаютъ. Послѣ того высыпываютъ на великій столъ, дабы ихъ посвивати. Слѣпающіися листа издаютъ отъ себе зеленковатый плынъ; потомъ сновь въ котлахъ изсȣшаютcя, а по нѣсколько разъ изсȣшенія и свиванья розпространяются въ сȣхой комнатѣ перебираются послѣ величины и доброты и высȣшаются еще надъ легонькимъ огникомъ, а когда совершенно покорчатся въ добре запирающіи ся скрини складаются.

Способъ оуготовленья зеленой гербаты, розличается отъ выше описанного въ деякоторыхъ точкахъ. Послѣ третього изсȣшенья высыпывается такъ за двадцать фȣнтовъ въ сȣхій полотняный мѣшокъ и толочится ногами и рȣками такъ долго, поколь все листа въ твердȣю громадȣ не свьется. Слѣдȣющого дня розпростираются сновъ, сȣшатся надъ огнемъ и до скринь изъ бамбȣсовой тростины на шесть мѣсяцей вкладаются. По изтеченію тѣхъ же выймается сновь гербата на свѣжій воздȣхъ дабы ю оумнȣти, по чемъ изсȣшивается, и трема ситами на три розличныи сорты дѣлится, при чемъ доброта гербаты отъ меншой или большой легкости залежитъ.

Зелена гербата ажь если годъ выстоитъ, оупотребленна быти можетъ, понеже ажь тогда потеряетъ свои наркотическіи міасма.

Медичесkіи свойства гербаты.

Хотяй чорна и зелена гербата отъ листа одного и того самого ростѣнья происходятъ, а лишь отъ способа оуготовленья ихъ розличная барва берется, то прецѣжь дѣйствіе обохъ тѣхъ сортъ не есть однакое.

Чорна гербата справляетъ легкое подражненье нервовъ и наклоняетъ до физической, тѣмъ больше до дȣховной роботы такъ собственными свойствами, якъ и оугрѣваючи тѣло. Когда по оупотребленію всѣхъ иныхъ горячихъ напоевъ наведенное подражненье нервовъ, правильно дȣже скоро оустаетъ а на томѣсть безсиліе и неȣдовольствіе слѣдȣетъ, нѣтъ того по оупотребленью гербаты. Во прочемъ гербата для людей дражнительного состава не есть добра, хиба дȣже слаба и то не богато.

Зелена гербата, наводитъ не привыкшимъ до ней лицамъ нервовыи попады которыи зѣваньемъ, непокоемъ, стисненьемъ живота

и біенїемъ сердца характеризуется. Оминувъ тїи явленїя, то находитъ безсилїе или значна недуга. Зелена гербата всегда непокоитъ сонъ, и лишь крѣпкимъ темпераментамъ не вадитъ ничь на здоровлю и сна не колотитъ. Понеже смакъ ей есть далеко прїятнѣйшїй нежь чорной, то мѣшаютъ ся обѣ сорты больше или менше послѣ уподобы употребляющого.

Многимъ темпераментамъ даже и чорна не служитъ, когда недовольными себе чувствуютъ, тожь нѣтъ употребляти такимъ про здоровїе крайнымъ словомъ гербати.

Гербата приспорикаетъ страваленїе, зачемъ всѣмъ ненаѣдамъ есть необходимою. Про тое дуже добра есть для такихъ людей, которыи по большой части сидятъ въ комнатахъ и легко стравити немогутъ. Єсть она такожде доволѣ покрѣпляющею пищею, во послѣ химического розбора содержаетъ въ собѣ кормительны частины, а въ случаяхъ недуги препоручаютъ ею докторы для скрѣпленья живота.

Поминувши всѣ споры относительно гербаты, когда одни за всеобщїй лѣкъ держатъ ею, другїи мнѣютъ ею за отрою, мы не находимъ нїякой принуки къ запрещенїю ей употребленїя. Безмѣрный розходъ гербаты, въ Англїи, Голландїи, въ соединенныхъ государствахъ, въ Россїи и въ Францїи, свѣдчитъ доволѣ о ей безвредности.

Однимъ необходимымъ условїемъ въ употребленью гербаты есть дабы мѣрно ей употребляти, и завсѣгда свержати, чи соглашается съ темпераментомъ или нѣтъ. Мѣрное употребленье ожизняетъ, и не одинъ писатель найшолъ на днѣ чашки гербаты счастливую идею. Она усмиряетъ утомленность, наведенную духовными усилїями, дѣлаетъ легкїи — плыинныи мысли.

Теплый тотъ напой наводитъ часто благотворну транспирацїю, по чемъ кашлянье и нездоровїе устаетъ. Єсть ли воздухъ студеный и волгкотливый, то одна или двѣ чашки употребленны на вечеръ влїяютъ дуже благотворно на кожу, легкїй потъ производячи.

Варенье гербаты.

Варятъ обыкновенно гербату наливаючи или наставляючи ею водою, и хотяй заходъ тотъ есть дуже простый и понятный, должно однакожь свержати, дабы ароматъ свой и вкусность не пострадала. Вливается найперше кипящая вода до чайника, дабы огрѣлся а вразъ и до склянокъ. Сцѣдивши тую жь воду кидается на кажду склянку спору ложечку гербаты и приливается кипящою водою такъ, дабы листье совершенно покрыла. По шесть или осемь минутахъ, когда листя смягнутъ, доливается столько воды, на сколько склянокъ потреба.

Желаючи по вторый разъ наливати, должно лишь до половины изпорожнити чайникъ и сей часъ воды доливати. Гербата такимъ дѣломъ совершенно смякнетъ, а вторыи склянки будутъ такъ вкусныи, якъ и первыи. При томъ должна вода быти чиста и ладна; а гербата дѣлается вкуснѣйшою, если чайникъ до ничого иного не употребляется

Металическїи чайники суть далеко лучшїи до варенья гербаты нежь порцеляновыи, понеже удержуютъ лучше теплоту и ароматъ. Листя прїймаютъ дуже легко иный запахъ въ себе, тому да не кладутся побочь иныхъ пахнющихъ предметовъ. Найлучше заховывается гербата въ олованныхъ или бляшанныхъ скриночкахъ, при употребленью тѣхъже добре сдѣлается, если попарится, ихъ дабы пострадали терпентинову вонь, котора отъ слютованья и маловила тѣхъ скриночокъ происходитъ

Тупомъ Института Ставропигїянского. Редакторъ Николай Савчинскїй.